

18+

АЛЕКСАНДРА

МИРАНИН

ЗЕЛЪЕ

Александра Мираниен Зелье

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63618756

ISBN 9785005300485

Аннотация

Сказочно-приключенческий роман «Зелье» – это первое самостоятельно публикуемое произведение автора. Он повествует о том, как могла бы появиться Баба-яга, и кем она могла бы стать в наше время. Персонажи из сказок сопровождают её на этом жизненном пути, и их преобразование.

Содержание

Александра Мираниен	5
Зелье	6
ЗЕЛЬЕ	7
Пролог	9
===== Добыча =====	9
=В стародавние времена...==	12
==== Ворон ===	15
=====Волк =====	21
===== Мышь =====	32
=Мышь и Волк. И немного об Охотнике.=	40
=====Василиса=====	50
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Зелье

Александра Мираниен

© Александра Мираниен, 2021

ISBN 978-5-0053-0048-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Александра Мираниен

Зелъе

ЗЕЛЪЕ

В некотором царстве, в некотором государстве жила-была Баба-Яга. Царств и государств у нас много, а вот одна ли Баба? Это ещё тот вопрос. А тем более Яга.

Пролог

===== Добыча =====

Его вели запахи бензина, выхлопа, горячего железа в морозном воздухе зимнего леса. Хлопья снега падали и кружились по-новогоднему медленно и сказочно. Но для людей, несущихся по заматаемой дороге в железной коробке на четырёх колёсах, и хищного зверя, стремительно скачущего через сугробы заснеженного леса, медленно парящие хлопья превратились в снежный туннель.

Мужчина за рулём иногда бросал взгляд в зеркало заднего вида в сторону мелькавшего отражения девушки, сжавшейся на заднем сиденье, сквозь зубы раздражённо он что-то ворчливо цедил. Тень в стороне он скорее почувствовал, нежели увидел. Интуитивно он попытался снизить скорость. И вдруг он увидел эту тварь на дороге. Волк. Раздражение человека переросло в злость, он вжал педаль газа в пол. Словно почуяв это, зверь повёл себя как дворовая шавка, которая собирается обляять ревущую машину, метнувшись к колёсам и скаля клыки. От удивления человек мотнул головой, но тут же выругался:

– Чёрт!

Меньше чем в полусотне метров стоял человек.

Резкий тормоз и вывернутый руль были неудачным манёвром – качнувшись, машина сделала «бочку» всего в паре метров от неподвижно застывшего человека.

Железный конь, слетев с дороги, стоял на всех четырёх колёсах, зарывшись капотом в сугроб.

Человек медленно обошёл его, удовлетворённо отмечая, что оба пассажира пристёгнуты ремнями безопасности. Девушка еле шевельнулась, она вот-вот придёт в себя. С водителем же чудо цивилизации сыграло злую шутку – плохо отрегулированные подушки безопасности отправили его в глубокий нокаут. Рассечённая бровь, парочка, а возможно и больше, выбитых зубов. Его счастье, если он только этим и отделается.

Приоткрыта дверь пассажира, отстёгнут ремень – и вот уже девушка безвольно падает на руки спровоцировавшего аварию.

Он аккуратно уложил её на снег. Снял нож, открутил крышку тайника на его рукояти, вливая несколько капель зелья в рот девушки.

Интересное свойство имело это зелье – оно обращало человека в его природную сущность – в зверя, птицу, жабу, змею. Мужчина в задумчивости склонил голову, ожидая его действия: «А в цветок или дерево может? Муравья?» Но его фантазии не суждено было развиваться дальше. Он озадаченно фыркнул – перед ним был ушастый, пушистый, тонколапый комочек шерсти. Волчонок. Кувырок, и вот уже матё-

рый зверь несёт в зубах осторожно прихваченного за шкребень щенка.

Он осторожно вошёл в дом и обернулся в человека вновь, не уронив своей добычи.

Ведьма при их появлении не повернула и головы.

– Принёс?

Это был даже не вопрос, а утверждение. Она указала молча на кровать в углу. Он тихонько уложил девчушку.

– Свободен.

Равнодушный, безликий приказ, совсем не означающий, что он действительно свободен.

Волки. С них-то всё и началось. А, может, раньше.

=В стародавние времена...===

Эта девчонка не бегала за ним, как большинство из них, и не строила кокетливых глазок при встрече. Она просто всегда была ему нужна как мать, которую он почти не помнил; а матери не стало, когда он был слишком мал. Она была нужна ему как старшая сестра, которой у него никогда не было. Несмотря на то, что она была младше его, наставления и заботливое ворчание, когда он попадал в переплёт, он всегда получал от неё как от старшей. И он всегда мог рассчитывать на её поддержку. Они оба любили ночь. Им всегда было о чём поговорить и о чём помолчать.

Началось всё, как и многое в стародавние времена, когда вера в колдовство и магию себя оправдывали и приносили немалый доход для шарлатанов. Но началось не с магии.

– Волчонка перевяжи, – парень, придерживая укушенную руку, шарил по поляне в поисках палки подлиннее, чтобы вызволить волчицу из капкана.

– Да на кой он тебе сдался? – возмутилась девчонка, держа корпию в руке. Уж кого она и собиралась перевязать, так это парня и уж никак ни этот скалящийся комок шерсти, вот его-то как раз хотелось пнуть, а не перевязать. Мил да зол, совсем как его мамаша, угодившая в ловушку.

– Щенка хотел. Отец не позволил. Ну, я и решил взять и припрятать его. Волки умнее собак.

– Ага, и не только собак... – девчонка зло покосилась на парня и склонилась над волчонком. Тот зарычал, она, подражая, фыркнула-рыкнула в ответ. Щен присмирел, прижав уши. Яда быстро и умело перетянула покалеченную лапку.

– Так, бери его, – сказала она парню, – а лучше оставь. И волчицу.

– Остальной выводок без неё погибнет.

– Дурак, – пробурчала девица, – Пусть! – крикнула она парню.

– Дура, – буркнул себе под нос парень, но ей ничего не ответил. Вскоре он нашёл жердь раза в два больше своего роста и ухватившись за один конец, второй вогнал, целясь в зубья капкана. Сложно было ожидать, что жердь окажется добротной, большая её часть оказалась гнилой, и от удара она сломалась тотчас же, но работу свою выполнила – волчица ринулась на свободу.

– Бежим! – крикнула Яда и дёрнула парня за рукав с такой силой, что тот чуть не рухнул, путаясь в ветках под ногами. Но отбежали они не более пары десятков шагов, остановились, укрываясь за деревом, словно оно могло их защитить от разъярённого животного. Они ждали, как поступит волчица. Той действительно до них не было никакого дела, она подхватила зубами своего подранка и, хромя сама, бросилась прочь.

==== Ворон ===

То, что произошло с ней после, было несчастным случаем. Сломала ногу, а местный лекарь оказался жадным до денег, и результатом нелечения стала не просто хромота – её второй ногой стала палка, на свою ступать уже не могла. Он, как мог, поддерживал её, но в этой девчонке было слишком много гордости. И она ушла скитаться по свету в поисках лекарей, которые смогут справиться с её недугом. В многодетной семье, в которой она родилась, больной был в тягость. Её отсутствие старались не замечать. Не особо и себя радовали любовью ближние в этой семье, так как все себя старались обеспечить, подчас и за счёт другого, родного.

Много лет её не было, и возвращение её было ужасным. Вернулась она ещё больше обезображенная, чем была. Толстая. Больная нога ссохлась. Глаза девушки, но лицо, начиная с носа, словно сползло вниз и сморщилось. Её матери не было в живых уже давно, отца скосил недуг, было очевидно, что дни его сочтены, братья и сёстры жили теперь своими семьями. Как и все в деревне, родные шарахались от неё, называя прокажённой, и с помощью к ней не спешили. Она поселилась в заброшенной, полуразвалившейся хижине в стороне от деревни.

Отца она забрала к себе. И в то время, когда односельчане уже считали его почившим, староста села, перекрестившись, отправился с намерением предложить свою помощь в похоронах. Каково же было его изумление, когда тот, кого он считал умершим, размахивал топором, а уродливая дочь, ковыляя, складывала дрова под навес.

Парень долго не мог заставить себя навестить Яду. Её злой нрав успел узнать каждый в деревне.

Называли странной. Боялись. Дом обходили стороной, но любой знал, что если в какой семье случалась беда с приходом недуга, то во всей округе не найти целительницы лучше. Она не брала платы за свою помощь, и это в людях, как ни странно, рождало непонимание; а то, что не понятно, то пугает, а страх порождает неприязнь. В результате Яда за свою помощь получала косые взгляды за спиной и грязь в виде кривотолков и сплетен.

Она и сама не искала встречи с ним, но он ждал её взгляда, пусть и издалека. Что-то сжимало его грудь в тот момент. Он помнил, скучал. И его не смущал её вид, хотелось снова услышать её голос. Не сразу, но он все же решил навестить её.

Покосившаяся, обрастающая мхом избушка выглядела издалека очень неприглядно. Заваливающаяся изгородь. Он мысленно обругал себя за малодушие. Ей и старику сейчас, наверное, очень нужна помощь.

Но чем ближе он подходил, тем больше убеждался, что все разрушения лишь иллюзия. Дом был добротным, но странно врастающим в окружающую его природу, был одновременно частью и продолжением её. Не то земля на него напознала, не то он сам был частью земли, а мох окутывал его с одной стороны, будто покрывало. Ухоженный дворик скрывала изгородь из странно сколоченных под разными углами, но добротных жердей.

Тишина. Он не сразу подошёл к двери, а заглянул в окошко. Никого не видно, но на столе три чашки и две тарелки. Вот и она сама. Ставит третью и кладёт ложку рядом. Кого-то ждут?

И тут вдруг в другое окно влетел большой ворон. Он видел его раньше. Сложно было не заметить его. Многие его в деревне видели. Он появился с прибытием Яды. Шастал среди бела дня по рынку, не боясь местных кошек и собак. За почти человеческий взгляд его многие полюбили, подкармли-

вали. И вдруг он здесь. Устроившись на спинке стула напротив одного из приборов, он повернул свою птичью голову прямо к окну.

– Ты войдёшь или так и будешь шпионить?

Она была позади. Парень не смог выдать из себя ни звука. Низ её лица закрывал платок. Она постаралась гордо выпрямить своё изувеченное тело. Он поклонился и вошёл, но тут же налетел спиной на дверь, внезапно отпрянув. Птица скатилась вниз, а на стуле теперь появился её отец.

– Пап, – ведьма укоризненно покачала головой; а в том, что она ведьма, он теперь не сомневался.

– Ну, теперь беги, – невозмутимо заявила она ему, распахивая дверь перед ним вновь.

Он глубоко вдохнул. Не очень помогло. Спина была мокрой и холодной от мгновенно выступившего пота, а его кидало в жар. Но он таки прошёл к столу и сел напротив Ворона. Он понял – его ждали, и третий прибор был для него.

Ужинал только ворон. С аппетитом. Да и после вёл себя так, словно они оба его мало интересовали. А он сидел и слушал историю скитания и становления Яды ведьмой.

– Это зелье было единственным спасением для папы, чтобы вылечить его, – говорила она, подливая ему чай. Чай. Он действительно отужинал с ними и теперь пил чай, но даже и вспомнить не мог, что ел минуту назад, настолько его захватил рассказ. А она выплёскивала на него свою жизнь.

– Годы – это не болезнь, – проворчал старик, – но теперь я

точно смогу покопать червей на могилах всех своих недругов.

Старик стал первым в свите ведьмы. А ему предстояло стать следующим.

=====Волк =====

Молод был. Тянулся к странному дому. Дому, чуждому

для многих, но обращались туда все. Отплёвывались, но шли вновь. Каждый за своим....

Он ловил на себе осуждающие взгляды, и ему не раз попадало от отца, что ума у него своего так и нет, как и дела толком. Но в этом доме ему было уютно, и он знал, что, если его и не зовут, то никогда не выгонят. А его странности детская шалость по сравнению с тем, что происходило здесь. Это не отталкивало его, а наоборот притягивало.

Но его привязанность к волкам, зародившаяся ещё в детстве, в конце концов принесла свои неприятности.

Он был сыном кузнеца, но привлекали его волки. Он наблюдал за ними. Многим спас жизнь, вытаскивая из капканов. Но «стая», которая прижилась в тот год рядом с деревней, была особенной. Откуда бы они ни пришли, но не обратить внимание на них было невозможно. Большая часть из них – метисы. Смесь волков и бродячих собак. Самих «родителей» уже, похоже, нет в живых, но эти полукровки были очень опасны.

Он таки тогда отловил одного. Как ему казалось, самого малого из выводка. Но щен рос и матерел и на поверку оказался маститым волком-полукровкой. И сыну кузнеца настоящим хозяином для него так и не удалось стать. Волк-полукровка ушёл в лес. И самое необычное – стая его приняла. Опасная стая. А в тот злополучный день было принято решение деревней уничтожить их.

Начало лета. Волчья стая разобщилась. И именно в этот

период охотники решили отомстить им за зимние набеги на деревни. Выслеживалось каждое логово. Беспощадно отстреливались все: матёрые, сучки, щенки. Пощады не было никому.

Свой план он не обдумывал. Это был порыв, который не мог понять обычный человек, для которого волк – это угроза.

– Скорей! – крикнул он, вбегая в дом ведьмы, – Дай мне зелье. Я обернусь волком и выведу их из-под удара, уведу их в безопасное место.

Она проигнорировала его. Даже не обернулась, перебирая что-то у себя на столе.

– Прошу. Пожалуйста.

Он уже не так уверено шагнул к ней. Больше всего на свете он не хотел бы именно сейчас услышать укор или насмешку. Не здесь, не в этом доме. Хотя её папочка оказался на поверку очень говорливым и гораздым на колкое словечко вороном. Он отметил, что рад тому, что того сегодня не было дома.

– Ты слышишь?

Он всё же схватил её за плечи и повернул к себе. Но тут же отпустил её и отступил назад. В одной руке она держала змею, в другой нож.

– Что за гадость ты опять готовишь?

Он держался прямо, но внутри в нём всё передёрнулось.

– Не поверишь. Просто обезболивающее.

Она запихнула змею в клетку. Положила нож. И, наконец, повернулась к нему.

– Ты сам не знаешь, о чём просишь. Многие свои тайны мне приходилось просто красть. Ведьмы и колдуны секретам редко делятся, это их хлеб. И это зелье не исключение. Меня ему никто не обучал. Я не уверена, что ты сможешь сам обернуться потом обратно в человека. Отец может им стать снова, просто обращаясь из ворона в человека, только когда он находится рядом со мной. При перевоплощении организм обновляется. И теперь годам его жизни не будет числа. Бессмертен. Но уже не человек. Не такой как был. Только рядом со мной. Ещё не все свойства его мною изучены.

– Да, пусть, – он немного помедлил, – значит, с тобой навсегда.

Слова молодого кузнеца никак не откликнулись в её душе. Пусто. Пустое обещание, вызванное эмоциями. Он действительно импульсивен. Яда знала, что ему нравится белокурая малышка, живущая с мамой, и она иногда навещает свою бабушку, которая живёт на окраине другой деревни. Той малышке очень идёт красное.

Яда смотрела в глаза парню. Красивому парню. Он никогда не останется с ней добровольно, как бы ни была сильна их дружба. Дружба и только. Внутри начал закипать бульон, приправленный не ею: обида, злость, отчаяние и безысходность. Ему не понять эту боль. Да никто и не собирается вникать в её проблемы. Уже за глаза люди стали менять и ковер-

кать её имя. Не Яда, не Ядвига или Ядди, как звала её мама. Яга – злая баба. Пусть так. Пусть так и будет. Значит, злая.

Безрассудно опорожнён бокал, и вот уже Волк ринулся за дверь. Огромный, красивый и уверенный в себе, словно был им всегда.

Она села на кровать, сложив в задумчивости руки на коленях.

– Кар-р, – весело подмигнул Ворон, – на удачу тебе, моя милая. «Добрая» ты стала женщина. «Заботливая».

Он был здесь. Всё чаще он предпочитал оставаться в образе птицы. Не так заметен.

– О, себе. Всегда, – резко ответила Яда, поднимаясь.

И вдруг она повернула к птице лицо мокрое от слёз. В глазах было отчаяние. Она не хотела этого. Не так.

– Па-ап, – совсем как в детстве протянула она.

Птица ударилась оземь. Отец сердечно обнял дочь, прижимая к груди.

– Ядди.

А плечи несчастной сотрясались от рыданий.

– Дурак, дурак, – повторяла она сквозь истеричные всхлипы, – и всегда им был.

Отец ничего не говорил, лишь заботливо гладил по голове.

Но тут она гордо выпрямилась, собираясь с силами.

– Сам захотел.

Яга так Яга. Она злится. Злая. Да будет так.

От звука выстрела она едва не подскочила на месте. Вся её поза мгновенно перевоплотилась в застывший ужас.

– Что я наделала?!

И она бросилась прочь из дома. Отец устремился было за ней, но едва не получил по носу хлопнувшей дверью. Он крикнул, передумав выходить в дверь, и перевалился через ближайший подоконник. Вслед за ведьмой в окно вылетела птица.

Между тем сын кузнеца, перевоплотившись и уже в зверином обличье выскочив из дома ведьмы, направился к логову того, кого сам вырастил. Это было действительно глупо. На что он надеялся? Его «воспитанник» встретил его весьма агрессивно. Как соперника. И был готов к драке. Но она не состоялась. Они оба ощерились в сторону «чужих», несвойственных лесу звуков.

– Какой красавец.

Как далеко был охотник, но фразу новоявленный Волк услышал. И понял – он теперь мишень. И шарахнулся в сторону. Вовремя. Он рвался прочь, а позади крики ярости, визг и скуление агонии «воспитанника», его выводка, стаи.

Он летел через лес, напролом, ломая ветки. Куда? Назад к Яде? А если человеком он не станет, не так как Ворон, и приведёт к дому охотников? Спрятаться. Куда? Куда-нибудь. Потом будет видно.

И вдруг. Анна шла через лес, короткой дорогой. В разгар охоты?! Красива – да, но поступок нелеп. Он встал на её пу-

ти. Она ему нравилась. Миниатюрная, белокурая, беззащитная в своей шапочке и плаще, красное ей очень шло. И он ей, кажется, тоже нравился. Но сейчас он волк. И шла охота. Большая охота.

Он ощерился, оскалил клыки, зарычал. Отчаянный визг девчонки. Вцепившись в корзинку, она бросилась в сторону большого тракта.

Удар как ожог. Боль. Крики, запах пороха. Как же он резок для волчьего нюха. И он снова бросился вперёд.

Мчался напролом. Куда? С чувством юмора у судьбы всё в порядке. Оказывается, он выскочил к домику на окраине другой деревни. Этот домик он знал. Сюда направлялась его новая подружка, которую он только что согнал с лесной тропы.

Бабки нигде не видно. Собак она не держала. Он затаился, наблюдая. Никого. Подкрался к двери. Потянул зубами веревку внутреннего засова и вполз, крадучись, в дом. Хозяйка была дома. Спала. Он решил, что это его спасение. Спрятаться. И он вполз под кровать.

Шипенье и острые коготки впились ему в нос. Бабушка не держала собачек, но, оказывается, любила кошек.

Он вылетел из-под кровати с той же скоростью, с какой ломился через лес. От жгучей боли он шархался по всей комнате. Что-то падало с грохотом, что-то накрыло его с головой. Стук в дверь. Он замер.

– Ба-а-б. Тебе лучше? Зачем ты встала?

Деввица тоже знала, как открывается дверь. Вошла. Он замер.

Он собирался выскочить в окно, передние лапы его были на подоконнике. В каких-то лохмотьях.

– Что, что, внученька, это ты? Подойди ближе, я тебя плохо вижу, – раздался голос старушки с постели. Видать, совсем плоха стала бабка, раз только сейчас очухалась.

Пара шагов, скрип половицы. Анна увидела силуэт на фоне окна. Волк подобрался, готовый к прыжку.

– А что это у тебя такие уши? – Её голос дрогнул, силуэт выглядел более чем странно.

– Что, что? Я тебя плохо слышу. – Анна в недоумении и испуге перевела взгляд на постель, когда поняла, что голос доносится оттуда.

И тут дёрнули за верёвочку в третий раз. И в третий раз открылась дверь.

– Ну, что? – раздался весёлый голос одного из охотников, – больше волков не встречала?

И тут Волк не выдержал. Чувствовал, видел, что охотник подходит к дому. И чего же он ждал?

Затрещала рама, сбивались ставни. Одним прыжком Волк вырвался из дома. Снова уши резанул громкий крик девчушки. И выстрел над самым ухом. Боль. Ранен. На этот раз серьёзнее. В глазах потемнело. Шарахаясь из стороны в сторону, он уже не видел, куда бежал, но Яду увидел, столь необычным было её появление.

Она. Спустилась с неба. Он не мог в это поверить. И бросилась к нему навстречу, раскинув руки как для объятий. Он почти упал на неё, пряча голову ей под мышку, как собака, и теряя сознание.

– Ну, ты себе и нашёл ... «красавицу», – выдавил охотник, только что выскочивший из дома и прибежавший почти следом. Он сплюнул себе под ноги.

– Эй, ты! – крикнул он уже Яде, – Зверя не видела?

– Нет, – сухо ответила та.

– Он должен был пробежать мимо вас.

Она больше не удостоила его ответом, лишь наградила угрюмым взглядом.

Прижимая раненого парня к себе, она украдкой рукой прикрыла его рану, что-то бормоча себе под нос. Его кровь пропитывала её одежды.

– Убогая, – пробормотал охотник не то брезгливо, не то сочувственно и, передёрнув плечами, зашагал прочь, оставив, наконец, в покое странную парочку и не заметив, что парень ранен.

На какое-то время ветер, освежая, привёл его в чувство. Но едва он пришёл в себя, как его голова закружилась от увиденного. Под ним проплывал лес, ручьи, поляны и тропы. И он снова потерял сознание, уткнувшись в плечо Яды.

После он очнулся только глубокой ночью. В человечесем обликии. Жив, здоров и невредим. Всё случившееся днём казалось просто ночным кошмаром. Может, это и был толь-

ко сон?

Вряд ли отец будет о нём беспокоиться, но домой лучше вернуться засветло.

Он выбрался из домика Яды, думая, что покидает его незамеченным.

– Далеко он собрался, – то ли проговорил, то ли прокаркал вполголоса отец.

– Прогуляться, – невозмутимо ответила Яда, скрестив на груди руки и наблюдая за уходившим в сторону деревни парнем. Потом они оба вошли в дом, легли спать, зная, что беглец вернётся.

Только он сам об этом ещё не знал. Он шёл, удаляясь от домика ведьмы, и с каждым шагом дышал всё свободнее, уже почти веря, что всё произошедшее – дурной сон. Такое просто невозможно.

Ни одна ветка под его ногой не хрустнула. Ногой.... Лапой?! От неожиданности он присел на все четыре. Четыре. Когда он успел обернуться, он и сам не понял. Понял он другое – это не сон. Он припал к земле и тихонько заскулил. Заскулил. Взвыл. И яростный лай был ему ответом.

Людская реакция на этот вой была разной. Весёлый охотник подскочил в своей постели. Яда вжалась в подушку. Ворон, бывший, как ни странно, на улице, каркнул в сторону воя. Влетел в дом и, обернувшись человеком, забрался в свою постель, проворчав:

– Вернётся. Смирится. Понравится.

И он был прав.

===== МЫШЬ =====

Так создавался враг.

Весна – пора оттепели для всего живого мира. Пригревающее солнце пробуждает от зимней уютной спячки, заставляя скинуть мягкие одеяла одежд, и зовёт к лёгкости, к движению, жизни.

Затворничество удобно само по себе, как и зима. Но жизнь – это все времена года, а, значит, хочешь – не хо-

чешь, нужно вливаться в её поток.

Ворон встряхнул перьями и прокаркал вслед удаляющейся на прогулку по окрестным базарам парочке:

– Чую пополнение в свите.

* * *

Они шли среди торговых рядов. Она по-хозяйски впереди, он, как мальчик на посылках, сзади, услужливо неся полукруглую корзину.

Это странное сочетание, как, впрочем, и любое не попадающее под стандарт, не могло не привлечь её внимание: голубые глаза и тёмный цвет волос. Красивое сочетание, редкое и всегда привлекающее. Да и в целом юноша был неплох. Невысок, но это не минус.

– Глаза не сломай, «подруга».

И она действительно поймала себя на том, что из реальности глупо выпала, её наблюдение перешло в беспардонное рассматривание в упор.

«Подруга» оказалась высокой статной дамой средних лет и рельефных форм. Паренёк, по словам дамы, был подручным её мужа по делам торговым, сыночком одного из его поставщиков. И он готов на всё, лишь бы заполучить расположение её семьи. «На всё»...

Новоявленная подруга трещала без умолку, кокетливо и неприкрыто хвастаясь «живой игрушкой».

Яда передёрнула плечами. От приглашения на чай она не отказалась. Только не могла понять, чем же она заслужила внезапную «дружбу». Одета она строго и небогато. Кольцо? Кулон? Изящные филигранные вещички – дорогая работа, но... И тут она перехватила её плотоядные взгляды в сторону своего сопровождающего. Это задело, дополнило зарождающееся раздражение. И вдруг невинная болтовня переключилась на неё.

– А почему у тебя лицо закрыто до половины? Глаза красивые. Правда. А...?

– Муж из ревности... Наградил. – Резко и зло оборвала она догадки, приоткрывая обезображенное шрамами лицо. И она быстро поднялась, бросая щедрую плату на стол, желая прервать начало «дружбы».

Короткий вскрик собеседницы доставил ей удовольствие, и она уже отворачивалась от неё, собираясь уйти, как была поймана за руку.

– О, прости, пожалуйста, мою бестактность. Ну, полно. Приходи к нам сегодня на званый вечер. Муж отмечает какие-то свои удачные дела. Будет весело. Мужчинам будет не до нас. И слугу своего можешь взять! – последние слова она произнесла, едва ли не трясась от напряжения, что упустит новую «игрушку».

* * *

– Пойдёшь один. Принесёшь наши «глубочайшие извинения». И «подарочек».

Она отдала Волку небольшой ларчик с дорогим колье – «глубочайшие извинения» и флакон с зельем, которое он должен был влить в питье хозяйке, их пригласившей, – «подарочек». Зелье, обращающее человека в его животную сущность, в его изготовлении Яда преуспевает всё больше. Но предсказать, какая именно сущность, она была не в силах.

– Временное?

– Посмотрим. Возможно, она нам ещё пригодится. Надеюсь, она – жаба.

Волк фыркнул и приобнял её за плечи. Она, успокаиваясь, прикрыла глаза, откидываясь назад, к нему. Он интуитивно чувствовал – приревновала. Ей было легко с ним – он всегда её понимал и без слов.

* * *

Гуляние было в самом разгаре и, учитывая, что количество хмельных напитков было обратно пропорционально уменьшающимся яствам, к утру на ногах окажутся только самые стойкие. Хозяйка была не из их числа. Да, она была рада

преподнесённым «извинениям», но отсутствие Яды её, пожалуй, порадовало ещё больше. Но молодой протезе её мужа вертелся рядом и «подарочек» оставался невручённым. Волк не мог знать, был ли паренёк полной «заменой» мужу хозяйки, навряд ли, но его излишняя опека сыграла с ним злую шутку. Хмельная хозяйка вечера увлекала его в свои апартаменты явно не для светских бесед.

Ну откуда было взяться этому хладнокровному созданию на хозяйской постели? Сама ли приползла в поисках мышей, отбирая у кота его работу, или же это были чьи-то отнюдь не благие намерения, история умалчивает. Но когда хмельная голова разгорячённой женщины коснулась хвоста змеи, удар ядовитых клыков был стремителен. Юноша, который до этого пытался отчаянно и деликатно сопротивляться, был не настолько пьян, как его спутница. Одним рывком он вышвырнул рептилию в распахнутое окно и прильнул к шее женщины, по венам которой уже разливался яд.

На одинокий, но дикий женский крик первым в комнату ворвался Волк, следом – парочка едва стоявших на ногах гостей, отрезвлённых картиной, представшей перед ними в сочетании лунного света и пламени свечей. Женщина лежала недвижно и уже безмолвно, бледна. Две ещё приметные кровавые отметины на шее. Над ней, нависая и удерживая, – молодой торговец с кровью на губах.

Запах яда, запах рептилии, запах смерти. Волк чувствовал их. Его чутьё человеческим не было уже давно. Картина для

него ясна и не настолько мистическая, как для остальных, тех, кто врвался за ним следом в эту злополучную комнату. Но что его побудило её усугубить сомнительной помощью парню? Он протянул последнему флакон с зельем, коротко приказав: «Пей». То, что произошло дальше, будет потом передаваться из уст в уста, обрастая ужасающими деталями, зарождающимися в воспалённых мозгах, давая начало самой страшной легенде. А на деле всё было... Всё было несколько иначе. Парень внезапно исчез. Столь стремительно, что казалось, будто его силуэт повис в воздухе, но после исчезло и это чувство, а на женщине, вцепившись в неё коготками, сидело неприятного вида мохнато-кожистое существо. С большими ушами, маленькими глазками и острыми клыками под свиным пяточком. Волк от неожиданности фыркнул, едва не расхохотавшись, тогда как комната стала наполняться людскими криками. От резких и неприятных для своих новых ушей звуков существо плюхнулось на пол. Волк, не особо деликатничая, послал его пинком, словно мячик, в окно. Шарахаясь в неуверенном полёте и путаясь в крыльях, навстречу луне отправилась новоиспечённая летучая мышь.

* * *

– Ошибся, старый. Он к нам не присоединится никогда.

– Знать, врага нажили. Бестолкового, а посему еще более опасного. Нет ничего хуже непредсказуемых дурней.

Волк по-щенячьи кувыркался в остатках серого снега, казался беззаботным. Ворон взлетел и устремился прочь только по ему ведомым делам. Ведьма, подобрав подол, решительно вошла в дом. Но каждый из них спиной чувствовал другого, и если не услышал, то знал наверняка, что скажет и сделает другой, и Волк в том числе. А тот встряхнулся, кувырок – и вот уже крепкий мужчина, отряхивая рукав, промолвил:

– Я пригляжу за «новой пташкой».

– Кто б сомневался, – каркнул с высоты Ворон.

Скользнул назад через плечо ведьмин взгляд. Как всегда самоуверенность одного и сарказм второго вызвали на её губах кривую усмешку. Конечно, жаль. Она-то планировала себе работницу в услужение. Но опять всё сама, всё сама. И да, Ворон прав, толк с перепончатой твари вряд ли будет.

=Мышь и Волк. И немного об Охотнике.=

Он метался по пещере. Он готов был грызть эти камни и этот песок. Его бесило это болото, но иного места укрытия у него не было. Чердаки и заброшенные сараи для обычных серых мышек, которые вели негласные бои с обычными же летучими мышами. Что же он такое? Убийца. Сначала он утолял свой голод кровью животных. Это были инстинк-

ты. Не его инстинкты, того животного, кем он стал. Но слаще оказалась кровь человека. Слаще и проще в добывании. И его привёл к ней всё тот же инстинкт, запах, голод. Она спала, и он насытился. Он видел её потом рано утром и поздно вечером. Как же она была бледна. Он понимал, что навредил ей, но не думал, что настолько. Улетал, засыпал в пещере на весь день. Но ночью голод и запах сводили его с ума, и он возвращался. Пока, наконец, не вернулся к хладному телу, облачённому в саван с прощальной молитвенной свечкой в руках. Его уши до сих пор терзал плач матери в прощании с дочерью.

Снова рывок и удар о каменную стену пещеры. Падение и маленькие коготки в отчаянии скребут влажный песок. Коготки, коготки... Он пискнул? Нет, это был тихий стон. Содранный ноготь саднил. Палец? Не веря своим глазам, он уставился на содранный палец.

– Ну, наконец-то. Я уж думал, не дождусь.

Он уставился вглубь своей пещеры? Как он упустил... Волк? Изящной походкой хищника... Парень тряхнул головой – человек, моргнул и перед ним снова волк. Он в шоке попятился к выходу.

– Не торопись.

И вдруг он ощутил то, что не чувствовал уже более месяца. Голод. Дикий человеческий голод. А спровоцировал его запах свежих фруктов и жареного мяса. И, несмотря на присутствие постороннего в его убежище, он тут же яростно

впился зубами в пищу, запивая напитком из фляги. Что это? Вино? Это не важно, главное, что это не кровь. Кровь... Он отстранился. Первый голод утолён. Человеческий голод. Он прикрыл глаза и едва не застонал, вспоминая глаза умиравшей девушки.

– Ты кто? – прохрипел он незнакомцу, глядя на него исподлобья, чего ждать от него, он не знал.

– Не надейся, что это надолго. Скоро опять станешь мышкой.

– Мышкой? Так всё-таки мышкой... летучей. Кровожадной. Как? Почему? За что? И... – парень запнулся, – таких мышек не бывает.

– Бывает. Не у нас, но бывает. – В голосе незнакомца слышны нотки сарказма.

– Убивающей людей?

– Это не совсем твоя вина. Особи, подобные той, в которую ты обращаешься, как и все кровососущие, добавляют в тело жертвы слюну, которая не даёт свернуться крови. А у девушки от природы была плохая свёртываемость. Не столько выпивал ты, сколько она сама потом теряла. Усугубил...

– Усугубил... У-бил.

Человек швырнул в него какие-то тряпки. А он только сейчас сообразил, что абсолютно гол.

Вспыхнуло пламя костра.

– Ты так часто менялся. Почему я не могу так, как ты?

И в одежде? И кто ты? Я тебя помню. Это ты...

– Всему своё время, – зло оборвал его Волк, – сиди и слушай, – добавил он чуть устало, опускаясь на корточки и глядя на играющие языки пламени костра, не мигая.

– А куда я денусь, – буркнул «мышь».

* * *

Он не стал рассказывать бывшему щёголю о людской судьбе самой Яды и Ворона. Не солгав, но и не сказав о том, что знал их с рождения. Именно как людей. Поведал только о своей нелепой привязанности к волкам и знакомством с магией через них. О своём добровольном согласии связать судьбу с ведьмой.

Мышь же порыв во спасение волков не оценил, а уж связать свою судьбу с ведьмой – это было выше его понимания.

– Ну и дурак! – перебил рассказ он, – Она ж страшна как гнилой пень!

Волк, казалось, его проигнорировал. Лишь ниже склонил голову, вспоминая былое, но хрустнувший в его руке сук заставил присмиреть востроухого парня.

А Яда меж тем, подув и разогнав пар над котлом, и наблюдая за обоими, так же с болью вспоминала то время. Ворон одним глазом косился в котёл.

Волк поделился с мышью своей историей перевоплощения, но чувствовал, что его не понимают.

– Это глупо, – парень полулежал возле костра и не смотрел в сторону Волка, его взгляд блуждал за пределами пещеры. Ночь, сырость и холод, неужели снова ему суждено это.

– Я был молод, – спокойно ответил Волк.

– Глупо... Ради волков. Сколько тебе сейчас?

– Уже к сотне.

– А твоя ведьма кроме целительства и этого зелья ещё что-нибудь может?

Волк вышел из задумчивости. «Может, конечно, может». Но он не ответил, а продолжил.

– В тот день вернуться домой я не смог. Приполз обратно, – Волк угрюмо шевелил палкой угли костра, – а у порога её дома снова стал человеком. Только в её присутствии я человек, ухожу – хищник. Есть и способы оборота, но ненадолго. Без неё ненадолго. На службе, так сказать...

Мышь молчал долго. Столь долгим было осознание того, что с ним случилось, и того, что потерял. Но понимание не вносило ясности в его мозг, а наполняло злобой и ослепляющим гневом.

– Мне было так же худо, как тебе сейчас. Но это был мой выбор. А ты... – Волк свой рассказ не закончил, но продолжать, кажется, смысла не было. Его уже не слушали. Мышь ринулся на него как само олицетворения бешенства. Того, которое хлещет за край. Он и сам был не готов к такой ярости. В полный рост, кулаки сжаты. Волк же просто поднял голову и смотрел в упор. Противостояние было секундным,

но тяжёлым.

– Я знаю, ты не выбирал, – несмотря на то, что его готовы были убить всем что под руку подвернётся, Волк спокойно повернулся к сверкающим злобой глазам спиной, – тебе лучше к ней... – буркнул он и уже в зверином обличи направился с виноватым видом к выходу из пещеры.

Парень всё же схватил самую большую головешку дотлевающего костра и... И плюхнулся под грудой тряпок на землю уродливым, маленьким, пищущим от злобы существом.

Волк тяжело вздохнул. Да, он чувствовал себя виноватым. Отчасти. И, возможно, ненадолго.

– Она нас ждёт, – не то проговорил, не то прорычал зверь, – Да, что б ты знал, Охотник уже не совсем человек.

Злой писк Мыши из-под тряпок прекратился. Слышал. Понял. И неуклюже полетел за Волком, который трусил через лес к дому Яды. Их ждали.

* * *

Ворон, глядя в котёл, не то фыркнул, не то крякнул. Охотник не человек? Большая чёрная птица нахохлилась, насу-

пилась и бочком, перебирая лапками, отползла в сторону. С охотником всё было непросто. И он Человек почему-то...

Кружил возле их дома тогда часто. Выслеживал или выжидал. Но чуял Волка рядом, а подчас и видел след, внезапно обрывающийся невдалеке от дома.

– Так-таки и не видала волка? Ни тогда, ни теперь? Уж больно часто след его вьётся здесь.

Запал Охотнику этот серый. С испугу иль по наглости, но не в характере волков забираться в дома людей, неужели не учуял, что дом не пуст? Охотник каждый раз дивился дому и убранству в нём. Беден, но опрятен. Самая распоследняя тряпка и та на своём месте, словно для неё отведённом.

Яда молчала. Её раздражало это вынюхивание, а уж допрос тем более. Но вот, видимо, собрался уходить.

– Водичкой не угостишь, красавица?

И снова «красавица». Он что, издевается?! Она, не задумываясь, протянула ему чарку свежеприготовленного зелья, для непосвящённых чистейшая вода. Может, псом окажется, отомстит – на цепь посадит. А тараканом, так ещё лучше – тапком.... Но гнев был мимолётным. И она о нём вдруг пожалела.

– А глаза у тебя красивые.

Поздно сожалеть. Дело сделано. Опорожненная чарка стояла на столе. Но... ничего не произошло.

– Благодарствую. Хороша водица.

Охотник утёр губы тыльной стороной ладони. Искренне

поклонился, и... Он ушел, просто ушёл. На своих двоих, и с ним ничего не произошло.

Воспоминания были прерваны хлопнувшей дверью от ожидаемого, но незваного гостя. Волк же вошёл почти неслышно. Ворон обернулся в свой облик человека и встал, как ему казалось, в грозную позу. Не нравился ему этот младчик, ох не нравился.

* * *

Терпения у мальчишки было не на грош. Яда только открыла начало сути той магии, что с ним произошла. И, услышав только часть, он был раздражен:

– Я не буду служить! Не буду твоим рабом!

– Просто слугой, – отвечала Яда, невозмутимо чистя корни лесных растений и лениво ковыряя в червоточинках ножом, – раболепствовать не обязательно. Ты человек, пока рядом со мной.

– Не дожدهшься, – прошипел гневно парень.

– Хорошо, – кивнула Яда, по-прежнему делая вид, что корни её занимают больше, – есть ещё один вариант: испить крови своего младенца, рождённого в браке, будучи самому

в обликии мыши. И вернёшь человеческий облик назад навсегда.

От такого даже Ворон опешил и уставился на дочь. Волк и Ворон не выбирали пути, звериное обличье в чём-то даже устраивало их обоих. Об этом варианте Яда и рассказать не успела. Мышь от захлестнувших его эмоций опять перестал слушать.

Парень в ужасе и ярости схватился за волосы и выскочил из избушки, проклиная ведьму.

– Жестоко, – буркнул Волк, – А как же тогда со мной? Тот же вариант?

– Хочешь? – спросила Ядвига зло, но не повернула и головы в его сторону.

Волк промолчал.

– Да, староват я для такого. Но ты у меня уже есть. Так мне что, прикажешь клонуть тебя? – прокаркал ошарашенный Ворон, но после так же ворчливо, как Волк, добавил, – Не. Быть птичкой меня больше устраивает.

– Я не знаю, как быть с остальными, – проговорила, наконец, Яда, положив нож и откидываясь назад, задумчиво смотря на корни, – да и с зельем не всё просто. Ты же помнишь Охотника, – сказала она, уже обращаясь к Ворону. – А случай с мышью мне знаком. С этим я столкнулась в одном из своих путешествий. В том превращении виновата не я. Это было чужое проклятье. И узнала я о том, что может мышь избавиться от чар зелья таким образом, случай-

но. Но там страна ещё более строгих правил. Родить ребёнка в любви и в браке за тот короткий срок, что он был человеком – это почти невозможно, да ему и не удалось. В результате звериная сущность завладела им, наделяя самыми скверными качествами.

– «Омышился», – в задумчивости прокаркал Ворон.

– Скорее уж «овампирился», – ответила дочь, – Его слюна стала ядом для тех, кого он укусит, и они становились вампирами.

– Не мышами? – Озадачился Волк.

– Это свойство зелья, – ответила Яда, поднимаясь и заканчивая разговор.

– Мне проследить за ним? – спросил Волк.

– Тебе? – каркнул Ворон, – Скорее уж мне, ты говорил, что мальчик с полётом освоился?

– А смысл? – сказала Яда, – Он мне не нужен. Вообще не понимаю, зачем ты его притащил.

– Он не заслужил такой участи, – ответил Волк.

– Как знать, – сказала Яда, – его величество случай не так слеп, как думают люди. И хватит об этом. Вольному – воля, – равнодушно улыбнулась она.

=====Василиса=====

В людском мире очень часто человек человеку враг, а в магическом, как оказалось, и подавно. В поисках целителя, лекаря, мага, ведьмы, кого-нибудь Яда столкнулась с такими перипетиями магического мира, в которых дилетанту не место и новичков не жалуют.

Борьба за власть – основная цель, а уж выживание как следствие. Для людей на самом деле не может быть добрых или злых волшебников. Любой маг к людям относится как человек к собакам: кто-то ласково «прикормит», кто-то заставит служить или просто использует, другие – ненавидят или относятся с презрением. А когда человек думает, что он «хозяин», то он глубоко заблуждается.

В своих скитаниях как одна, так и далее со «свитой» Яда давно лишилась иллюзий о благодетелях в магическом мире. А, значит, приходилось брать самой то, что они имели.

Магические книги. Их толковать приходилось самой, а заодно и записывать. Грамоте обучалась как могла. Всё поверхностно, но на грани такой интуиции, какой природа одарит не каждого.

Не испито это зелье ею. Но мир магии открывает путь к бессмертию разными путями, и Яда избрала свой. Она путешествовала в мир смерти. Знала вход и выход. В мире живых – спящая, но за гранью жизни. Позже это называть будут

по-разному, и простому человеку, впавшему в это состояние, выбраться ой как непросто. Но, возвращаясь в мир живых, её тело продолжало жить, хотя и не заживало.

Что не так с зельем? Что произошло с Охотником? Или у человека есть и человечесья сущность, и, даруя ему бессмертие, зелье сути изменить не может? А кто она сама, коль выпьет его? Ведьма-самоучка, недочеловек или всё же человек. Оттолкнул мир людской, не принял мир магический, а жизнь её не познакомила со своей подругой Удачей.

Её уродство – расплата за наивность. Некогда в странствиях столкнулась с ведьмой молодой и прекрасной, которая светилась добротой и заботой. За небольшую услугу, присмотр за хозяйством в доме, она обещала исцелить. А на деле, оказалось, крада её молодость. Одним кремом натирались обе, но одна молодела, вторая старела. Выбросив использованное тело, надеялась та, что Яда долго не протянет в лесу. Но Ядвига жила лесом с рождения, а потому и выжить, и отомстить сумела.

Она трянула головой, пытаясь выгнать мысли прочь. Вся её сила и удача в ней самой, потому и жива.

Волк и Ворон её свита. Любили? Возможно. Боялись? Наверяд ли. Воспринимали её как должно. Видя, как она бредёт по этому миру, сквозь него пробиваясь, каждый из них хотел, чтобы она была счастлива, но помочь ей был не в силах. Вот и оберегали её, как могли, сопровождая и предупреждая о врагах, которых она вольно или невольно сама создавала

благими ли делами иль в гневе. Они были её единственной семьёй. А хотелось большего. Семьи, детей. А суждено ли? Своих детей Яда не могла иметь, слишком страшен и безобразен её лик. Чужой чужим и остался. Из века в век, через дни, прошедшие до наших времён настоящих, аукаются поступки былых лет. Так произошло и с первой названной дочерью.

* * *

Он уже был вдвое больше пернатых особей, на которых стал похож. И он восторгался своим новым обликом всегда, что не помешало ему проявить ворчливую натуру в момент обращения. Своим чувством полёта он попенял даже собственную дочь, коей обязан был своим новым обликом. Но осторожным он был всегда, а потому по ночам он летал чаще, чем днём. Но мир развивался за века так стремительно, что ночь становилась всё более и более оживлённой. А в больших городах теперь и не замирала вовсе.

Но сегодня он летел домой, забыв о всякой осторожности.

– Решил сменить место жительства на зоосад или на какой-нибудь исследовательский институт в качестве подопытного?

– Ты сейчас сама взлетишь. Или оседлаешь свой венник... – прокаркал он, залпом выпив кружку молока.

Яда фыркнула, сдёрнув с верёвки сушёную тушку и пома-

хав ею перед плюхнувшимся на стул стариком:

– Мышку дать?

– Не люблю чипсы, – и, обернувшись снова птицей, вылетел в окно, мимолётом долбанув-таки клювом живое создание, о котором шла речь, и проглотив её в полёте. Яде ничего ни оставалось, как взять веник... Взять метлу и последовать за огромной чёрной птицей, которая в воздухе уже выписывала немислимые пируэты и каркала от нетерпения, что-то о черепахах в полёте. Но ведьма хранила молчание, пристроившись позади.

Они снижались над ночным городом. Шорох ночной жизни был бурным и сквозь него вскоре стал слышен ритмичный грохот, а за ним прослеживался и мотив.

– Решил тряхнуть костями и перьями, – кКрикнула Яда и, не дождавшись ответа, проворчала вслед, – смотри, чтоб не ощипали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.